

Мальчик видит,
как заходит солнце,
Сверстники растут,
седеет мать,
Знает: это временем зовется.
Все так просто!
Что здесь понимать?

Юмор его виртуозен.
Он блестящ: и – без него не строится
никакое повествование.
Очень живые герои: их естествен-
ная вписанность в обстоятельства
словно определяет меру участия лите-
ратуры в жизни.

значительные, уходя в ретроспекцию,
работая с современностью, сочащейся
сарказмом, исследуя, исследуя че-
рез суммы художественных образов
реальность...
Публицист и прозаик сочетаются есте-
ственно: пороховая и огненная публици-

лирической составляющей, тонкости её
звукового рисунка.
Поэзия – слишком сильная власть,
чтобы можно было из-под неё выйти,
и, дебютировав именно стихами, Юрий
Поляков продолжает их сочинять и по
сей день.

Поляков – поэт интонации и вместе
обезоруживающей ясности: той, за ко-
рой и стоит подлинность жизни, со всею
её переусложненностью огнями, перспек-
тивами и ретроспекциями...
Лёгкое – как туше – касание звука рису-
ет картины полновесно: и мы видим маль-
чика, еле поспевающего за отцом.
Сами такими были. Как сами такое ис-
пытывали:
У религий классовые корни.
Высшей силы не было и нет.
Я, как атеист, конечно, помню,
Что материален белый свет.
Вод о чём же речь? Зачем же в ступе
Тако очевидности толочь?
Эту днём...

А ночью вдруг подступит...
Сядешь на кровати: страх и ночь.
Каждый испытал этот антрацитовый
провал в никуда, ужас, сжимающий аорту,
яд, струящийся в бедных венах.
Каждый испытал, но поэт высказался
за всех: мощно, точно.
Точность и изящество, как формулы
поэзии Полякова.
Поэзии, уступающей в известности
его прозе, но никак не отстающей в каче-
стве от оной.

Поэзия – слишком сильная власть

К 70-летию Юрия Полякова

Позже он поймет,
он убедится:
В мире нет
энергии сильнее
Той, что в ходе
времени таится!
...И душа работает
над ней.

Прозаик и драматург Поляков превзо-
шёл себя поэта: повести следовали одна
за другой, и в каждой пульсировал рас-
калённый нерв современности: Поляков
касаясь острия проблем, и кровь, добы-
ваемая из сердца, наполняла образный
строй книги.

Поляков весь из жизни: и она, отвечая,
плещет и плещет в его книгах...
Как интересно ничто превращается
в нечто в «Козлёнке в молоке», как ин-
тересно строятся культурологические
фантомы, и сколь остро продрана ли-
тературная среда, знакомая Полякову
наизусть...
Занятно – стих его безметофорный,
как правило, а сравнения, предлагае-
мые в прозе, достаточно интересны,
живоречивы...
Объёмы ширятся: в «Гипсовом тру-
баче» и «Грибном царе» Поляков ис-
следует лабиринты пространств весьма

стика Полякова работает широко, пред-
лагая свежий взгляд на вещи.
Он неустанен.
Новые книги, пьесы, статьи...
«Литературная газета» – фактически
сделанная им заново: ведь едва тепли-
лась, когда Поляков стал главным...
Он неустанен.
Он любит жизнь – и она благодарно от-
ветила ему успехом.

...И возникают, выплывая из тумана
советских, по-разному ныне воспомина-
емых времён, строфы: ажурные, снеж-
ные, нежные:
Где-то там,
в конце пятидесятых, –
Мальчик «Я» с веснушчатым лицом,
В курточке, в сандалях рыжеватых,
Еле постелевает за отцом.
Сероглазый, с уймую вопросов
(«Почему?» – и нет уных забот)
Мальчик «Я», пошмыгивая носом,
Улицей Басманною идёт.
Прошедшее ушло, что ему ещё, со-
бственно, делать?

Не устаю удивляться творческому
диапазону и смелости известного
астраханского поэта Юрия Щербако-
ва! Он берётся за переложения сти-
хотворений классиков национальных
литератур и делает это мастерски.
Отныне в славном ряду авторов, пере-
ведённых им на литературный русский
язык, в котором Алишер Навои, Низами
Гянджеви, Абай Кунанбаев, Габдула
Тукай, Янка Купала, Муса Джалиль,
Расул Гамзатов, Давид Кугультинов, –
и один из основоположников совре-
менной чувашской поэзии Михаил Се-
спель. Человек сложной и трагической
судьбы, он первым ввёл в чувашскую
поэзию силлабо-тоническое стихос-
ложение. Всего 23 года прожил он на
белом свете, оставив после себя сти-
хи, в которых предсказал любимому
чувашскому народу светлое будущее.
Которое обязательно придёт, если зна-
менем в наступлении на вековое ду-
ховное прозябание станет для людей
родной язык.

Поэт рассвета Алексей КАЗАНЦЕВ

К 125-летию чувашского классика
Михаила Сеспеля (1899-1922)

Встаёт сейчас заря
над отчим краем,
Неся освобождён духа свет,
Зова туда, где будет жизнь иная,
Какой пока что не было и нет.
Эй, чувашш! На верную дорожку!
Невежества долгой дремучий лес!
Чтоб мы про наш язык,
слово про Бога,
Сказать могли:
«Воистину воскрес!».
...Как драгоценность,
красоту храните
И силу заповедную его!
Язык – как солнце летнее в зените,
Мечтаний наших
предков торжество!

А ведь написаны эти строки в самый
разгар гражданской войны, когда за но-
вую счастливую жизнь, за справедливое
мироустройство ещё было воевать и во-
евать. Сеспель был одним из тех, кто шёл
«вперёд, заре навстречу» с беззаветной
отвагой. Шёл сам и вёл за собой других,
потому что видел в своих поэтических
прозрениях грядущее утро солнечным.
Когда рассветная роса
Посеребрят полей края,
Когда рассвета голоса
Надеждой землю напоят,
Тогда свершатся чудеса –
Воскреснет Родина моя!
Озарение, свет, заря, восход, несущие
надежду на выстраданное счастье, – не-

сомненно глав-
ные символы в
творчестве «по-
эта рассвета»,
как назвал его
Геннадий Айги.
За окном
пастух –
рассвет
весенний –
Гоним облака
на водопой.
Смысл и я
остаюсь
сонной лени

Синей родниковой водой.
...Видно, впрямь пора –
готово к севу
Синее отборное зерно.
И глядит нам вслед спросонья дева
В синее соседское окно...
Новый, счастливый день обязательно
придёт! Как заклинание, несёт эту эту
воистину рассветную мысль из стихотворе-
ния в стихотворение.

Трудяга-солнце, глянь, рассвета плуг
Выносит, не спеша, на небосвод.
И Новый День – земли родимой друг –
В чувашском поле борозду ведёт.
Гласты столетий переплещет он,
Им снова плодородие дая,
И алым светом будущих времён
Горит на плуге юная заря!
...О, новый день!
Ты сеешь над страной
Не зёрна – звёзды в глубь моей земли!
Пройдись по ним заветной бороной,
Чтоб всхопы светозноные взмоли!
Какой же верой можно обладать, чтобы
за кровавыми закатами, за мглой невзгод
и потерь, за терзающим плоть людей
лютым голодом, видеть дорогу к светло-
му будущему! Поэт готов стать камнем в
фундаменте того незримого моста, по ко-
торому на обрывной высоте пройдут не-
утомимые творцы новой жизни.
Нынче время не слезливых –
Тех, кому по силам труд!
Через этот мост красивей
Только сильные пройдут!

Страшный мир голодных будней
Тянет кости к нам свои...
Эй, живые! Завтра будет,
Коль сегодня устоим!
Потому, коль я захнычу:
«Мочи нету, нет огня»,
Об одном прошу я: ныне ж
Под грядущий мост меня!».
Увы, это пожелание Михаила Сеспеля
исполнилось. И его короткая, но яркая
жизнь воистину легла в фундамент но-
вой эпохи... Но новые и новые поколения
вчитываясь в заветные строки поэта,
впитывают его наставлений завет:
О, как мечтаю видеть я
Отвагу дерзкую твою!
Отринь бескрылость бытия
И солнцу заслужи в бою!
Свой сборник переводов стихотворе-
ний Михаила Сеспеля Юрий Щербаков
не зря назвал строкой поэта «Отринь бе-
скрылость бытия». Потому что в каждом
нашем новом рассвете – частица рас-
пахнутой души выдающегося чувашского
стихотворца, «поэта рассвета»!

Сюжет предельно прост. Шестилет-
ний Алёша теряет папу – тот погиб на во-
йне. Мальчик не может смириться с по-
терей: «Папка, а как же я!» – и вот уже во
сне разговаривает с пчёлами (отец на-
учил его не бояться их, приносящих лю-
дам мёд, то есть здоровье, силу), ко-
торые объясняют, что папа не умер – погиб
на войне, он герой. Образ пчёл появля-
ется не случайно, он очень значим. Они
живут семьями, умеют защищать свой
дом, то есть способны оценить героизм
и самопожертвование (с точки зрения
маленького мальчика уж точно), много
работают. Значит, им можно доверять.
Художник слова, Александр Смышляев,
намечив несколькими штрихами тёплую
солнечную «пчелиную» тему, развивает
её и дальше: у командира Алёшиного
папы поэзией Пчела. Он выполнил
свой долг старшего, друга, человека, ко-
гда привёз тело бойца домой, пришёл на
похороны, а теперь снова возвращается
на фронт – защищать свой улей – целую
большую страну, где так много малень-
ких мальчиков и девочек... Но это даль-
ше, пока же мы полностью погружены в
переживания Алёши. Малыш заговорил
и продумывает свой сон, но вопросов у
него становится только больше. Как гор-
диться папой, которого нет рядом и даже
некому рассказать о его подвиге? Зачем
он пошёл на войну, ведь с ним Алёша
было так хорошо?

Мучающиеся вопросами ребёнку на
помощь приходит дедушка – он говорит
мальчику, что солдаты, погибая на войне,
не умирают – они превращаются в белых
журавлей. Даже песня об этом есть. А
стихи к ней написал поэт из Дагестана
Расул Гамзатов, давно для всех русский.
Смотрите, как много всего сплетается.
История современная и Великой Оте-
чественной войны, захватывается большой
пласт литературы, созданный патрио-
тами и воспитавшей патриотов, потому
что тот, кто услышал это песню, обяза-
тельно прочтёт и другие произведения о
войне. А ещё – и это detalle тоже очень
значимая – намёком, но говорится ведь
о многонациональности России... И это
всего в нескольких строчках. Наверное,
строгость Камчатки учит точно выбирать
слова и ясно формулировать мысли.
Алёша ждёт своего журавля. Рассказ-
ывает об этом двоюродной сестрёнке
Кристине... Мы видим сплочённость
семьи, все стараются помочь мальчику,
хотя и самим ведь тяжело и сложно – по-
теряли сына, брата, мужа...

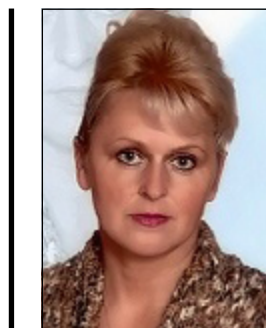
А командир Алёшиного папы расска-
зывает дедушке и бабушке о том, как
погиб их сын. Мальчик тоже слушает,
и фантазия переносит его на поле боя.
Папа прощается с ним и становится бе-
лым журавлем...

Ребёнку помогли найти ответы на его
вопросы. И его мир снова обрёл равнове-
сие. Он понял, что гордится папой, даже

если тот далеко, не с ним. Понял, зачем
идут на войну. Мальчик всё для себя ре-
шил: «И тоже буду воевать за Россию!».
Пусть даже за журавлей он принял ле-
бединый клин, но всё же снова встретил-
ся с отцом. Встреча подарила радость.
Уставший лебедь стал снижаться, другие
подхватили его, и клин улетел. Дедушка
и юному нашёл объяснение: «Они же сол-
даты, должны лететь только строем». Па-
пина любовь осталась с мальчиком – «не
осталась на войне, а поселилась теперь в
сердце большой белой птицы».

Автор сумел найти слова и вырази-
тельные образы, чтобы помочь детям
понять то, что сейчас происходит. Ду-
мается, помог не только большой опыт
отца и дедушки: в этот рассказ Александр
Смышляев вложил пережитое во время
написания книг о камчатских ребятах, по-
гибших в СВО. Многие из них были ещё
очень молоды, у них остались малень-
кие дети, кто-то и вовсе не успел увидеть
сына. И теперь мальчика будут растить
мама и дедушка с бабушкой – рассказы-
вать о подвиге и хранить память. В рас-
сказе самые яркие образы – это дедушка
и Алёша. Мудрый, понимающий, терпе-
ливый отец погибшего штурмовика. Отец
героя. И будущий мужчина, начинающий
осознавать себя взрослым. Образ мамы,
бабушки, тёти, Кристины и даже Пчелы –
это единый образ настоящей дружной
семьи, за которой вырастает образ самой
России – терпливой, доброй, мудрой, но
не беззащитной, всегда умевшей бороть-
ся с врагами.

Уверена, многим взрослым рассказ
поможет лучше понять своих детей, даже
не переживших такой трагедии. Ведь во-
просы малышей никогда нельзя остав-
лять без ответа. А ещё – разобраться в
себе. И глазами автора взглянуть на род-
ную страну.
Прямые отсылки к Великой Отече-
ственной войне есть во всех трёх рас-
сказах: простая сельская женщина Аку-
лина спасла солдата во время войны и
вышла за него замуж, прожила потом с
ним счастливую жизнь, бабушка в элек-
тричке пережила уже два пожара – в
первый раз нацисты сожгли дом в соро-
ковых... Глебка, играющий в заложника,
накрыт рубашкой с медалями праде-
душки... Капитан Костя, вспоминающий
Брестскую крепость... Белые журавли
Расула Гамзатова. Это неслучайно.
Именно Победой в Великой Отечествен-
ной мы много десятилетий гордимся,
она выявила лучшие черты нашего
многонационального, а в рассказах это
тоже подчеркнуто не единожды, народа.
Сплотила его. Муж Акулины – чеченец,
Азаматик – осетин, Расул Гамзатов – да-
гестанец. И для всех Россия – Родина.
За неё воюют, её воспевают, от неё ожи-
дают помощи. И о ней и её героев наши
писатели говорят так, что понятно даже
самым маленьким.

Алина
КОСТУК

Отношения
мужчины
и женщины,
внутрисемей-
ные отноше-
ния принято
считать глав-
ными сюжетообразующими компо-
нентами творчества любого писате-
ля-романиста.
В романе Владимира Пронского
«Герань в распахнутом окне» рас-
сматриваются проблемы отдельно
взятого человека в семейно-быто-
вом ракурсе. Происходит это пото-
му, что семейные отношения оста-
ются, хочется верить, бесценным
микромиром личности, который
символизирует в определенной
степени и мир страны, из которого
вышел этот человек. Не случайно
главный герой спрашивает внуку:
«А знаешь, что такое родина?».

Ему дороги родные места, ему
«действительно давно хотелось
пожить на родине». Это тот клочок
земли, на котором «из восемнадца-
ти изб лишь половина осталась жи-
лыми...». Именно здесь, на даче, и
происходят события романа.

Множество эпизодов произведения
говорят о том, что его главный герой
часто измучён, напуган теми норма-
ми бытия, теми решениями, которые
ему навязали обстоятельства. Про-
тивиться им Владимир Николаевич,
«или попросту Володя, а для кого-то
и Кузя, как иногда называла его жена
Елизавета», не хотел, да и, вероят-
но, не мог, когда на семейном совете
было решено и твёрдо произнесено
женой: «Чтобы отцу не болтаться в
Москве, пусть на даче живёт, тем бо-
лее что сам давно мечтал об этом!».

Казалось бы, желание совпало
с действительным, но неопределен-
ность положения настораживает
главного героя. Читателю с самого
начала понятна эта растерянность:
нет сильного мужского начала в
этом крепком человеке, потому объ-
явленный приговор, «которым он
осуждался на пожизненное дачное
проживание», он принимает как
должное. Решение жены Елизаветы
и сына совпадают: «Денег от тебя
теперь не дождейся, а здесь боль-
ше пользы будет. Всем хорошо!».

И как только Володя закрыл за
Елизаветой и сыном ворота, «то по-
нял, с сегодняшнего дня, с этой мину-
ты для него началась новая жизнь».

«Герань в распахнутом окне»

О новом романе Владимира Пронского

Здесь Владимир Пронский иссле-
дует случай, когда судьба отдель-
ного члена семьи, его чувства входят
в непримиримое противоречие с
общими интересами семьи, когда
создаётся острая драматическая
ситуация. Но эту ситуацию главный
герой пока не понимает и не осозна-
ёт – он в самом начале осмысления
новой жизни.
Символично, что новая жизнь на-
чалась не молодой, зарождающей-
ся весной, а осенью – после Яблоч-
ного Спаса, когда вот-вот «полетят
паутины бабьего лета».

А дальше очень любопытно на-
блюдать за жизнью дачника, за его
мыслями: «придумал себе работу»,
«попытался очутиться на месте
жены», «работа отлекала Кузнецова
от унылых мыслей», «соскучился
по общению», «он заменил обще-

ние мыслями». И, наконец, снова
как приговор:
«Кузнецов смутно догадывал-
ся, что это новое состояние толь-
ко-только начинает в нём оформ-
ляться, просится на постоянную
прописку, а как скоро оно получит
оформление – это уж теперь не за-
висит полностью только от него...».
Новое состояние оказывается
тяжёлой ношей, потому что проис-
ходит ломка сознания и в некоторой
степени ломка души. А душа, ока-

зывается, есть, и она может болеть.
Володя задумывается над семейны-
ми отношениями, потом начинает
сомневаться в жене, в её чувствах,
«его огорчает её непонятное пове-
дение и отношение к нему»... Его
обижало, что он «нужен как бес-
платный сторож, садовник и раз-
норабчий в одном лице». И вот
именно в этот момент происходит
завязка «новой жизни».

Зона внутреннего одиночества не
устраивает его, и он пытается выйти
из этой зоны.

Так и появляется в его новой жизни
Мария Марковна: «Если добыча сама
в невод идёт – надо ловить момент!»
И Володя «ловит момент» – не-
красивый, неподготовленный, без
чувств, без любви...

Произошло что-то противоре-
стное, даже гадкое в жизни се-
мьи, и это очевидно всему миру:
«...внутри показалось неуютно,
пустынно и даже дико, словно за
одну единственную ночь здесь про-
изошло что-то непонятное и неви-
димое, хотя всё оставалось на сво-
их местах. Правда, герань на окне
почему-то поникла, словно её об-
ожгло морозом, и Володя вдруг
нак, что с виду бездушный цветок,
как и всякое живое существо, всё
чувствует и понимает...».

Жизнь разделилась на «до» и
«теперь», потому «Володя все эти
дни находился в непонятном и не-
объяснимом состоянии, при кото-
ром совершенно не знал, чего хочет
его душа-душенька. Все чувства
в нём смешались и пока никак не
обозначились в какое-то верное и
единое направление, а продолжал
ли топчущийся, хотя он и пытался
пригладить их...».

Наставление жены: «Будь му-
жиком!», вероятно, заключалось
совершенно в другом, но Володя
понял наставление на уровне ин-
стинкта по-своему.

«Постоянное, скользкое чувство
вины перед женой» проходит, и Во-
лодя продолжает жить своей, новой
жизнью. Он понимает, конечно, что
«мысли эти, в конце концов, иссяк-
нут, а то, что останется от них, – го-
рече непонимания, обиды – никуда
не денутся, и что-то надо менять,
искать какие-то другие пути к се-
мейному пониманию, от которого
ничего не осталось в последнее
время. И для этого, казалось, и

надо-то совсем немного, немного
меньше всего того, что уже потра-
тили: найти взаимное понимание и
радоваться этому, и радостью этой
заражать друг друга».

Кризис семейных отношений за-
шёл в тупик. Сменяют ли герои из него
выбраться? Странно, но жена «руга-
ла в душе своего Кузнецова, и чем
дольше ругала, тем больше жалела
его, неожиданно для себя». Значит,
сможет простить своего Кузю.

Только нужно ли Володе это про-
щение? Хочется верить, что герой
нашёл себя, обнаружив в себе насто-
ящее, мужское начало. Он переизжа-
ет вслед за Марией с её согласия,
находит её на новом месте, и хочется
верить, что это соединение не слу-
чайное, оно вытекает из сердцевины
бурно развивающегося сюжета.

Нет в романе поэтизации «гре-
ховных» любовных отношений, как
и поэтизации семейной жизни, но
есть правда жизни, тревога за судь-
бу семьи, есть понимание истины:
жизнь сложна.

«Елизавета второй месяц терпе-
ливо дождалась Володю на даче,
а мужа всё не было. Казалось, вот-
вот он появится, чего-нибудь, конеч-
но, приврёт, но теперь она ему всё
простит. Если в первые дни время
тянулось медленно, то теперь оно
бежало быстрым ручьём. Она вро-
де бы и не болела ничем, а ходила
поникшая, угасающая взглядом от бес-
причинных головных болей. Почти
одичала на даче.

Эх, как бы хотелось ей, чтобы в
такие переломные дни оказался ря-
дом знающий, мудрый человек, су-
евещий бы напомнить о взаимном
доверии и достоинстве, о котором
никогда не следует забывать. Но
как найти такого, всё понимающе-
го мудреца, готового всегда прийти
на помощь. Да и есть ли он? А мо-
жет, не надо ни на кого надеяться,
а надо отыскать его в самом себе?
Хотя бы попытаться. Но с чего на-
чать, как это сделать – в этом Ели-
завета не советчик, если у самой
всё получилось наперекосы. И ко-
гда она вспомнила о самой себе, то
расплакалась в очередной раз: от
обиды, одиночества – от всего».

Автор даёт право и возможность чи-
тателю, вживаясь в характеры героев,
понять их или осудить. В этом и заклю-
чается недюжинный талант писате-
ля-романиста Владимира Пронского.

«Расплачусь» Ольга МАРКЕЛОВА

«Сторож осеннего леса»

главным остаётся рефлекслирующее
и воспринимающее мир «я»... Но при
этом – парадоксальным образом! – в
лирике Крылова нет и намёка на эго-
истичность; напротив, это поэтическое
«я» очень скромно, кротко и даже по-
рой склонно говорить о себе как о
«тени» («Моя бедная тень, веселись, /
Не судима ни мной, ни другими...»);
«Моя бедная тень, говори...»).

А вот его стихотворение «Я». Такое
название заставляет читателя ожидать
чего-нибудь похожего на пресловутое
«Я гений Игорь Северянин», – однако вме-
сто этого – короткое четверостишие сле-
дующего содержания:
Я предал голову свою
Стеклойной плахе сновиденья
И неприяжной тенью
В шумящем городе спую.

Эта «тень» подчёркнуто
серьёзна: в довольно боль-
шой по объёму книге нет
легкомысленных текстов,
юмористических или иро-
нических стихов. Пожалуй,
единственный пример, кото-
рый можно условно считать
ироническим стихотворением – «Рас-
суждение нудиста о совести», к тому же,
оно и написано буквально раёшником,
подобно образцам фольклорной юмори-
стической поэзии:
«Но вы стали излагать мне своё
кредо, которое помогает вам спокой-
но обедать, спать, переносить беды и
считать другие кредо бредом, потому
что вам ведаема истина...» (...) «За-
кройте лицо газетой! /
Если вам не нравится,
что тело моё открыто,
И совесть моя жива!».

Однако и в этом тексте,
при внешних признаках
«балаганности», герой об-
суждает со своими оппонен-
тами вопрос неизмеримой
глубины, а характеристику
героя как «нудиста» в конеч-
ном итоге предлагается понимать мета-
форически: он всегда наг перед лицом
Бога и совести.
Поэтическое «я» может оказаться без-
защитно перед миром:
Но слаб и мал я, и странно сознавать,
Что эта грандиозная машина
Людей, домов, созвездий мешанина –
Соперник мой, враждующая рать.
И тогда лирическому субъекту может
пригодиться совет: «Смотри в Ничто
сквозь призрак бытия» («Предсказа-
ние. Нурвана»).

О собственном творчестве поэт гово-
рит, в частности, так:
Мой каждый день

отмечен устремленьем
Прямой и твёрдой волей, как резцом
По камню, провести стихотворенье
И сбросить с пылью остального сор.
(...)
Не сдерживай, дай вынести на волю
В тяжёлой форме

хаос тёмных чувств.
О Боже мой, ты это мне позволил,
И я за это жизнью расплачусь.

Несмотря на то, что содержание
лирики Крылова – во многом букваль-
но вопросы жизни и смерти, в ней не
ощущается надрыва, нет сверхсильных
эмоций, гиперэкспрессивных эпитетов.
(Даже в стихотворении «Из жизни воина
племени вайл. Монах», герой которого
подвержен бурным страхам, главным
является вопрос «Как бешеной душе
стать кроткой!»).

Цветовая гамма в его стихах также
«тихая»: преобладают цвета серый, бе-
лый, серебристый, голубой, прозрачный,
чёрный, изредка – золотой и красный.

Впрочем, всё перечисленное – цве-
та неба:

Ты загнан, как собака,
Но небо над тобой
Раскромчет бархат мрака
С каймою голубой...

(«Надежда»)

А с небесами (и небесными силами)
отношения трепетные как у лириче-
ского субъекта, так и у самого челове-
ка Григория Крылова. (Из воспомина-
ний его друзей известно, что он был
верующим и находился в духовном
поиске.)

Из важных мотивов лирики можно
отметить: тень, сны, дождь и вообще
вода, тишина, музыка (обычно флейта
или свирель), пустота, смерть и бес-
смертие.

В конце книги (перед мемуарными
очерками друзей Григория Крылова)
помещены два принадлежащих
его перу прозаических фрагмента,
которые можно назвать развёрнутыми
стихотворениями в прозе. Из них
хочется особо отметить текст «Я про-

снулся не собой...». Сам такой посыл,
как и проистекающий из него сюжет
(«я» обречено витать над человеком,
который действует и живёт, но не явля-
ется «мною»), выглядят фантастиче-
скими, но здесь перед нами не фантастика,
а философская проза о содержании и
границах человеческого и поэтическо-
го «я», о стёртом и нестёртом воспри-
ятии реальности – и о границах реаль-
ности и вымысла («В городе, который
я придумал, есть маленький киноте-
атр, куда я прихожу и смотрю сны,
сочинённые мною»).

Отдельно надо упомянуть иллю-
страции к книге «Сторож осеннего
леса», сделанные Анной Буренковой:
нецветная графика, где предметы пе-
ретекают друг в друга, оборачиваются
существами: листья – птицами, тени –
людьми, завиток волны – головой ле-
опарда, а песочные часы или огарок
свечи вдруг оборачивают циклопиче-
ские размеры при крошечных людях.
Атмосфера этих иллюстраций точно
передаёт настрой стихов Григория
Крылова.